

— Где господин Фан? — спросил Гу Шаобай, затягивая пояс, у слуги Миньюэ.

Миньюэ ответил:

— Господин Фан уже давно готов и ждет вас. В доме Гу только третий молодой господин мог так запросто валяться в постели!

Гу Шаобай посмотрел на него с укором:

— Принеси мне тот оформленный свиток.

Миньюэ поспешил в кабинет и принес свиток, который передал Гу Шаобаю.

Гу Шаобай развязал красную веревку, развернул его и держал в руках, о чем-то задумавшись. На его лице появилась странная улыбка.

Миньюэ вытянул шею, чтобы посмотреть, и спросил:

— Молодой господин, вы хотите подарить этот свиток господину Чжоу? Мне кажется, что господин Чжоу выглядит довольно приятным человеком. Всего через несколько дней после знакомства он пригласил вас к себе для беседы, что говорит о его добром отношении к вам. Мы не должны быть неблагодарными, так что этот свиток...

Гу Шаобай свернул свиток, зажал его под мышкой и дал Миньюэ щелбан:

— Слишком много болтаешь! И запомни, больше не ешь мои сахарные лотосы!

Миньюэ громко вскрикнул:

— Нельзя так обижать людей! — про себя он подумал: «Ты не толстеешь, только силы прибавляешь. Каждый раз щелкаешь все больше». Кстати, как он узнал, что я воровал?

Под крики Миньюэ Гу Шаобай вышел из комнаты, позвал Фан Цинчи, и они вместе сели в повозку.

Внутри повозки было тесно и темно. Обычно ясные глаза Гу Шаобая стали черными из-за тусклого света. По какой-то причине Фан Цинчи почувствовал, что в его взгляде скрывается что-то глубокое, что делало его немного... печальным.

— Шаобай, кто такой этот господин Чжоу? — нарушил молчание Фан Цинчи.

Гу Шаобай оторвал застывший взгляд. Занавеска повозки колыхалась от ветра, и в мерцающем свете на его лице снова появилась легкая улыбка, но та глубокая тень в глазах не исчезла, словно врезалась в них.

Задумчиво он ответил:

— Знакомый незнакомец...

Фан Цинчи удивился, но затем услышал, как Гу Шаобай засмеялся:

— Новый знакомый. Я вижу, что тебе скучно, поэтому решил взять тебя с собой. Господин Чжоу пригласил меня к себе, и, конечно, устроит пир. Я плохо переношу алкоголь, так что придется тебе тащить меня домой.

Фан Цинчи больше ничего не сказал.

Колеса повозки подбрасывали, и сердце Гу Шаобая тоже подбрасывало, разбивая на куски.

Этот день он помнил отчетливо. По приглашению Му Цинфэна он отправился в усадьбу Чжоу, напился, и Му Цинфэн надругался над ним. После этого Му Цинфэн бил себя по лицу, говоря, что он потерял контроль из-за алкоголя и заслуживает смерти, и обещал хорошо относиться к нему всю жизнь.

Возможно, в то время он уже испытывал симпатию к Му Цинфэну. Любовь с первого взгляда, вероятно, так и выглядит.

Он поверил этим сладким словам, позволил себя использовать, и в итоге пошел по пути, который привел его к гибели.

— Третий молодой господин, мы приехали!

Фан Цинчи выпрыгнул из повозки и помог Гу Шаобаю выйти.

Они подняли головы. Черные ворота были недавно покрашены, а на деревянной табличке над ними были вырезаны два золотых иероглифа: «Чжоу Фу».

Гу Шаобай усмехнулся. Действительно, теперь это усадьба Чжоу.

Чжоу Пин, услышав стук, поспешил открыть ворота и пригласил Гу Шаобая и Фан Цинчи войти.

Проводя их внутрь, он почтительно сказал:

— Господин, вы наконец пришли. Наш молодой господин ждал вас все утро.

Гу Шаобай осмотрел небольшой двор с двумя внутренними двориками, словно переживая прошлое заново. Каждый куст и каждое дерево были ему знакомы. Он остановился под грушевым деревом, лепестки которого, как снег, падали на землю.

В тумане под деревом стояли две фигуры, разделенные цитрой, сидели друг напротив друга, а ветер шелестел листьями, и казалось, что в воздухе витает сладкий аромат. В их взглядах читалась глубокая привязанность.

— Шаобай, — позвал его Фан Цинчи.

Гу Шаобай вздрогнул и посмотрел на него:

— Что?

Фан Цинчи указал в сторону:

— Господин Чжоу говорит с тобой.

Гу Шаобай обернулся и понял, что он остановился под грушевым деревом и не слышал, что говорил Му Цинфэн.

Взгляд Му Цинфэна скользнул по мелькнувшей на мгновение печали в глазах Гу Шаобая, и он с легким удивлением спросил:

— Что случилось, брат Гу?

Гу Шаобай криво улыбнулся, еще не успев полностью собраться с мыслями:

— Ничего, просто смотрел, как лепестки груши падают, как снег, и на мгновение забылся. Прошу прощения, брат Чжоу.

В центре двора уже был накрыт стол с несколькими изысканными блюдами и длинной белой фарфоровой бутылкой.

Чжоу Пин наполнил чаши вином и встал рядом.

Гу Шаобай представил Фан Цинчи, сказав, что это его друг, не упоминая других деталей.

Му Цинфэн поднял чашу:

— Вино сближает сердца, и эта первая чаша — в знак благодарности за ваш визит.

Фан Цинчи тоже поблагодарил, но Гу Шаобай не стал церемониться и одним глотком опустошил свою чашу.

Чжоу Пин снова наполнил чаши, и Му Цинфэн, как хозяин, произнес несколько вежливых слов.

Вино текло в его душу, а чувства проникали в кости.

Гу Шаобай горько усмехнулся, покачал головой и снова молча выпил до дна.

Поставив пустую чашу на стол, он подпер голову рукой и смотрел на Му Цинфэна, который был так близко и так далек. Его густые брови, яркие глаза и постоянная улыбка скрывали остроту его натуры.

Чжоу Пин наполнил его чашу, и Гу Шаобай поднял ее. Вино слегка колыхалось, отражая весенний солнечный свет, который слепил глаза.

Снова выпив, он сидел, уставившись в одну точку, и вскоре его лицо начало гореть, а голова кружиться.

Его способность переносить алкоголь всегда была слабой. Мо Жань называл его «трехчашечником», и не без оснований. Три чаши не валили его с ног, но точно лишали ясности ума.

Не съев ни кусочка, Гу Шаобай уже действительно видел «трех человек в одном».

Что говорили Фан Цинчи и Му Цинфэн, он не слышал, намеренно отключив слух. Он больше не хотел и не мог позволить себе хоть немного волноваться из-за этого человека. Пусть его сладкие слова отправятся к черту! Он продолжал пить чашу за чашей, чтобы быстрее опьянеть и покончить с этим.

Перед его глазами мелькали две фигуры, и вдруг все стало слишком шумно. Гу Шаобай указал на Му Цинфэна и вдруг сказал:

— Ты... замолчи...

Этот жест испугал Му Цинфэна и Фан Цинчи.

Му Цинфэн только что дошел до середины рассказа о своей жизни и не знал, что сказал не так, что Гу Шаобай вдруг приказал ему замолчать.

Гу Шаобай, видя, что его губы не двигаются, почувствовал, что мир стал тихим. Он радостно встал, шагнул к Му Цинфэну, и его глаза, словно черный обсидиан, стали еще ярче от опьянения.

Му Цинфэн не успел среагировать, как руки Гу Шаобая уже крепко обхватили его лицо, и оно приблизилось очень близко, дыхание с запахом алкоголя обжигало его, и он на мгновение остолбенел.

В глазах Гу Шаобая, словно в калейдоскопе, сменялись эмоции: печаль, гнев, разочарование, и в конце — полное прозрение.

Он держал лицо Му Цинфэна, словно странный предмет, наклонил голову и, рассмотрев его, тихо сказал:

— Я вижу, твои глаза... никогда не улыбаются...

Сказав это, он разжал руки, и его тело мягко упало в объятия Му Цинфэна, словно лишилось костей, и начало сползать на пол.

Му Цинфэн, боясь, что он действительно упадет, обнял его и позвал:

— Брат Гу, брат Гу...

Чжоу Пин, стоя рядом, сказал:

— Должно быть, господин Гу опьянел.

Му Цинфэн обратился к Фан Цинчи:

— Но он выпил всего несколько чаш! — Внутренне он подумал: «Вот и подтвердилась информация, что он падает после трех чаш!»

Фан Цинчи тоже впервые видел, как Гу Шаобай пьет. Он знал, что тот слабо переносит алкоголь, но не ожидал, что настолько.

Этот обед был испорчен. Фан Цинчи встал и сказал:

— Брат Чжоу, прошу прощения, Шаобай плохо переносит алкоголь, а сегодня он пил слишком быстро и так опьянел. Я отвезу его домой, и мы как-нибудь еще зайдем.

Человек в его объятиях был мягким и теплым, с тонкой и гибкой талией, и Му Цинфэн не хотел отпускать его.

Автор хочет сказать:

Прошу добавить в закладки и оставить комментарии!

<http://bllate.org/book/16730/1538556>